

ГЕНРИ ОРС

ЗЕМЛЯ В ИЛЛЮМИНАТОРЕ

18+

Генри Орс

Земля в иллюминаторе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70087261

SelfPub; 2024

Аннотация

Вторая половина 70-х годов XX века. В канун Нового года Советскому правительству становится известно о совершенно секретном плане Соединенных Штатов провести в космосе дерзкий, на грани скандальности, научный эксперимент. В СССР решают ответить на брошенный им вызов. Партийные лидеры не побрезгуют ничем, чтобы после неудачи с лунной программой страна не проиграла очередную космическую гонку – и теперь руководителям отечественной космонавтики предстоит срочно выбрать кандидатов для решения новой и очень неожиданной задачи.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Генри Орс

Земля в иллюминаторе

Глава 1

Пурга за окном кружила снежные хлопья и припорошивала следы на недавно протоптанных дорожках. Из открытой форточки дул холодный сквозняк. Ларион Александрович Теккин поежился от влетевшей ему за шиворот струи морозного воздуха, но форточку закрывать не стал. Вопрос, который обсуждали вот уже второй час подряд, был такой, что всех присутствующих невольно бросало в жар. Поэтому поток кислорода с улицы был как нельзя кстати.

У Лариона Александровича еще с утра появилось нехорошее предчувствие, как будто вот-вот должна случиться какая-то неприятность. И точно – шестое чувство не обмануло. Только-только он встретил гостей, вдохнул соблазнительные ароматы, исходящие от селедки под шубой, и устроился за новогодним столом, чтобы посмотреть традиционный «Голубой огонек», как вдруг из кабинета раздалось неприятное дребезжание красного телефонного аппарата.

Всего у Теккина в квартире стояли три телефона. Один белый, с красивым мелодичным звонком, – он давал его номер родственникам и друзьям; второй черный, с громкой энергичной трелью, – по нему звонили с работы, из Особого конструкторского бюро; а третий был красный, с мерзким назойливым трещанием, – по этому телефону звонили... В таких случаях Ларион Александрович многозначительно закатывал глаза, и сразу становилось понятно, откуда ему звонили по красному телефону.

Ларион Александрович нехотя оторвался от свежего оливье, прошел к трезвонившему аппарату и посмотрел на него взглядом, полным классовой ненависти.

– Теккин слушает. Добрый вечер. Вас тоже. Передам. Прямо сейчас? А до завтра... Вот как? Вас понял. Собираюсь. До свидания.

Тяжело вздохнув, он направился в гардеробную одеваться. Водружая себя в темно-синий костюм, в котором обычно ездил на работу, Ларион Александрович смиренно выслушал отповедь жены, затем поправил в зеркале галстук, вернулся в кабинет, взял трубку черного телефона, набрал на нем короткий номер и, услышав приветствие, не здороваясь, проговорил:

– Собирай всех наших. Да, срочно. Знаю, что тридцать первое. Только что звонили по красному. Код «один». Думаешь, мне рассказали? Может, им приспичило встретить Новый год на Луне. Скоро узнаем. Попрощаюсь с гостями – и в машину. Буду через час. Пока.

Потом Теккин грустил в присланной за ним «Чайке», глядел на красивую зимнюю Москву с елочными базарами и нарядными гастрономами, с развешанными на витринах бумажными гирляндами, завидовал спешащим по домам прохожим и думал, что надо было все-таки уезжать в санаторий. Оттуда бы его тоже выдернули, но там он успел бы, по меньшей мере, досмотреть праздничный концерт.

Приехав в бюро, Ларион Александрович сразу поднялся в комнату для совещаний. Кажется, предстоял серьезный разговор: тут уже собрались все руководители советской космической программы во главе с членом Политбюро Центрального комитета Партии товарищем Сноковым – высоким тощим человеком с серой кожей и сухими неприятными чертами лица. Товарищ Сноков отвечал в Партии за идеологию, но влияние его распространялось гораздо шире, чем официальные полномочия. Многие за глаза именовали Снокова «серым кардиналом», что, наверное, было недалеко от истины.

– Товарищи. – Открывая совещание Сноков медленно оглядел собравшихся за длинным столом представителей профильных министерств и ведомств. – Прежде чем я посвящу вас в детали, хочу предупредить: все, что мы здесь сейчас будем обсуждать, абсолютно секретно. Вопрос чрезвычайной политической важности. Поэтому призываю вас к партийной дисциплине.

Лариону Александровичу стало не по себе. Ему показалось, что дело будет касаться не только и не столько космоса. Почему-то сразу захотелось уйти на больничный: Теккин не любил, когда в его работу вмешивалась политика, и всячески старался этого избегать. Предчувствия не обманули и на этот раз, хотя такого поворота он не мог бы предположить даже в самых смелых фантазиях.

– Я попрошу товарища Хаскина, – продолжил Сноков после небольшой паузы, – изложить суть вопроса.

Полковник Артемий Бориславович Хаскин, заместитель начальника Особого управления Комитета государственной безопасности, был совсем недавно назначен куратором космической отрасли. Артемий Бориславович отличался крайней педантичностью и аккуратностью. Его рыжие волосы всегда были зачесаны на бок, оставляя строгий пробор, черный костюм-тройка был застегнут на все пуговицы, и ворот-

ничок рубашки неизменно сверкал накрахмаленной белизной.

– Спасибо за оказанное доверие, товарищ Сноков, – отчеканил Хаскин и бодро отрапортовал: – Некоторое время назад наша разведка получила достоверную информацию о том, что американское правительство силами НАСА собирается провести в космосе... – тут Хаскин замедлился, подбирая нужные слова, – научный эксперимент, связанный с... – снова небольшая пауза, – с репродуктивной способностью человеческого организма.

Присутствующие на заседании подняли головы и вопросительно посмотрели на Хаскина, который покрылся пятнами, откашлялся и продолжал уже не глядя в блокнотик, а пытаясь формулировать суть дела своими словами.

– Проще говоря: они отправят в космос двух человек, ну... мужчину и... немужчину...

Сотрудники министерств и ведомств недоуменно поглядывали друг на друга. Почти от каждого пахло свежими мандаринами.

– То есть – бабу! – рявкнул представитель Министерства обороны, от которого пахло не только мандаринами, но и

кое-чем покрепче.

– И женщину, – поправил его товарищ Сноков. – Продолжайте, полковник.

– ... на корабле «Аполлон-18». Космонавты... то есть астронавты, нам удалось узнать их имена – Мэри Сью и Джон Фолкер, полетят в космос на два-три дня. А потом вернутся. На Землю. А потом, ну... после полета... у них появится...

– Сыпь? Ха-ха-ха! – представитель Министерства обороны заржал как конь собственной шутке.

– Говоря проще, – товарищ Сноков поднялся со своего места и похлопал по плечу Хаскина, который окончательно стушевался, – полковник имел в виду, что спустя девять месяцев после полета Соединенные Штаты планируют предъявить всему миру новорожденного ребенка, матерью которого станет Мэри Сью. Они объявят его первым «космическим» человеком, поскольку зачат он будет, кхм, на борту космического корабля.

В комнате повисла тугая тишина, которую нарушал только цокающий на полке книжного шкафа метроном. Разумеется, первым осмелился взять слово представитель Министерства обороны:

– Ну и что вы нам предлагаете? Сбить к херам этих двух голубков, пока они там лобызаются на орбите?

– Я попросил бы вас выбирать выражения. – Сноков поджал тонкие губы и недовольно поморщился. – Советский Союз последовательно проводит политику мирного космоса. Мы не позволим втянуть нас в какие-то «звездные войны». Это не наши методы, товарищи.

– Но тогда что же мы будем делать? – спросила представитель Министерства здравоохранения. – Да и надо ли? Если американцам так хочется превратить свой «Аполлон» в, извините, бордель... Да ради бога! Мы не будем им мешать!

Среди присутствующих раздались сдержанные смешки. Сноков сохранял невозмутимое лицо. Полковник Хаскин достал из внутреннего кармана пиджака блокнот и что-то в него записал.

– Как я уже говорил, товарищи, – спокойным голосом продолжал Сноков, – вопрос этот чрезвычайной политической важности. На срочном заседании Политбюро товарищ Генеральный секретарь высказал мнение, и тут я с ним полностью согласен, что мы не имеем права в очередной раз проиграть американцам в космической гонке. Достаточно того, что они

опередили нас на Луне. Если же вдобавок они еще и в этом вопросе окажутся расторопнее Советского Союза...

Опять послышались смешки, а Хаскин снова что-то записал в блокнот.

– Таким образом, товарищи, – подытожил Сноков, – Политбюро приняло решение. Советский Союз должен обогнать Соединенные Штаты и первым в мире совершить... это эпохальное... рождение.

Ларион Александрович Теккин обреченно опустил голову. Лучше бы он не просто поехал на Новый год в санаторий, а ушел бы на пенсию еще прошлым летом, как советовала жена. Сейчас все клонилось к тому, что решение пикантной проблемы повесят на него, а в случае неудачи последует позорное увольнение и вместо почетной пенсии – бесславное забвение всех его прошлых заслуг. Впрочем, оставалась еще надежда отвертеться. Если срок запуска январь или февраль – то у нас физически не получится подготовить ракету и вопрос снимется сам собой.

– Товарищи, а какого числа американцы планируют запуск? – издали зашел Ларион Александрович.

– Восьмого, – коротко ответил Хаскин.

– Января?

– Марта.

– Восьмого марта, товарищи! – с упором повторил Сноков. – Товарищ Генеральный секретарь, и я с ним полностью согласен, видит в этом циничную попытку принизить значение замечательного праздника – Международного женского дня.

Сноков выдержал длинную паузу, во время которой представитель Министерства обороны начал клевать носом, а представитель Министерства здравоохранения по-дружески пихнула его локтем в бок.

– Мы ни в коем случае не должны, товарищи, – продолжил Сноков более возвышенным тоном, – допустить подобную дискредитацию. И есть только один выход...

– Отменить праздник? – спросил представитель Госплана, потирая руки и прикидывая в уме возможный рост ВВП от появления лишнего рабочего дня в году.

Сноков посмотрел на него с укором и покачал головой.

– Опередить их! Товарищ Теккин, мы обязаны отправить на орбиту двух наших космонавтов раньше американцев. На сколько я помню, у вас запланирован пилотируемый запуск на середину апреля, приуроченный к годовщине первого полета в космос. Политбюро полагает, что возможно сдвинуть сроки на два месяца раньше, где-нибудь на середину февраля. Таким образом мы обгоним НАСА и покажем этим американцам, как говорится, кузькину мать.

– А спустя девять месяцев и самого Кузьку! – выпалил представитель Министерства обороны, и все добродушно рассмеялись каламбуру, на этот раз вместе с товарищем Сноковым, а полковник Хаскин уже ничего не записывал в блокнот.

Ларион Александрович почувствовал, как к горлу подкапывает тошнота. Как всегда, Партия погналась за политической целесообразностью, начисто забыв про реальность. Это глупое навязчивое желание щелкнуть американцев по носу уже не раз подводило космонавтику к краю трагедии, а дважды, и Теккин прекрасно помнил оба случая, даже перенесило за этот край – и тогда происходило непоправимое.

– Товарищ Сноков, – сухим голосом произнес Ларион Александрович, – разрешите поговорить с вами наедине.

Сноков удивленно поднял бровь, но через мгновение согласно кивнул. Они отошли вдвоем к окну в дальнем конце комнаты. Теккин почувствовал, что ему становится трудно дышать и распахнул форточку.

– Ну поймите же... – эмоционально доказывал Ларион Александрович, – переносить старт на два месяца раньше – чрезвычайно опасно. Нам придется сократить технологический процесс за счет дополнительных тестов и проверок, и это будет означать, что угроза нештатной работы компонентов...

– Ларион Александрович. – Сноков доверительно взял Теккина под локоть и поправил ему замявшийся лацкан пиджака. – Вы же умный человек. Думаете, я сам не понимаю риски? Но есть решение Политбюро. Более того, это личное решение Генерального секретаря. Если бы все зависело от меня, мы бы плюнули на это дело. Пускай эти капиталисты сношаются хоть на Луне. Я честно пытался убедить там, – Сноков многозначительно показал глазами наверх, – но... к сожалению, ему понравилась идея. Знаете, он прямо-таки загорелся, когда узнал. Постоянно твердит: «Мы должны быть первыми», «Отомстим за лунную программу»! Поэтому никаких вариантов нет. Вы подготовите корабль, двух космонавтов и совершите то, чего еще не делал никто.

И чтобы продемонстрировать, что окончательное решение принято, Сноков повернулся к остальным и громко произнес:

– Советский народ выиграл войну! А вы сомневаетесь в готовности наших людей на еще один подвиг! Совещание закончено.

Ни с кем не прощаясь, Сноков вышел из кабинета. Хаскин подобрал со стола документы и засеменял за начальником. Теккин почувствовал, как его трясет мелкой дрожью. Оставался последний шанс. Он выбежал в коридор и догнал Снокова у дверей лифта.

– А что если... – шепотом предложил Ларион Александрович, – мы отправим туда пустой корабль. Потом подберем пару из отряда космонавтов, симитируем беременность...

– А ребенка им тоже симитируете?

– Нет, ребенка подберем настоящего. Подкидыша какого-нибудь... Детдомовца... – Теккин заглядывал в лицо Снокову, пытаясь говорить как можно убедительнее.

Сноков и Хаскин молча зашли в лифт, Ларион Алексан-

дрович втиснулся за ними.

– Все останется в секрете, – продолжал он, – комар носа не подточит. Американцы по правде летали на Луну, но их обвиняют в том, что это бутафория. А мы устроим настоящее представление, и никто не будет знать.

– Скажите честно, Ларион Александрович, – Сноков пристально посмотрел ему в глаза, – в случае провала и разоблачения вы готовы отвечать головой?

– Г-головой, – просипел Теккин, пытаясь понять, шутит с ним Сноков или нет, – головой, наверное, не готов.

Двери лифта открылись на первом этаже.

– Вот и я не готов, – облегченно ответил Сноков.

Они прошли мимо вытянувшегося по струнке охранника, который при их появлении успел спрятать в карман плитку шоколада и старался не дышать, чтобы не выдать запах дешевого портвейна.

– Поэтому лететь придется по-настоящему, – продолжал Сноков. – И рожать тоже придется. По-настоящему. Как это сделать – уже ваша забота. Партия дает вам полный карт-

бланш. Действуйте.

У крыльца стоял правительственный «ЗИЛ». Около машины пританцовывал на морозе аккуратный молодой человек в костюме и лакированных туфлях. Сноков отмахнулся от предложенной им каракулевой шапки, похлопал Лариона Александровича по плечу и уже хотел сесть в автомобиль, но внезапно остановился.

– И вот что еще. – Сноков жестом отогнал своего помощника. – В случае провала мы будем все отрицать. И наличие космонавтов на борту, и вообще то, что мы пытались провести такой эксперимент. Обычный запуск для проверки автоматики. Если авария – пострадавших нет. Все детали предаем огласке после окончательного успеха через девять месяцев. До этого никому ни слова. В курсе происходящего должны быть только люди с высшим допуском секретности. Все понятно?

Теккин молча кивнул.

– А чтобы проконтролировать соблюдение необходимых мер безопасности, к вам будет прикомандирован полковник Хаскин. Ему предоставлены особые полномочия второго, наряду с вами, руководителя операции. На этом все. С Новым годом.

Сноков и Хаскин уехали, а Ларион Александрович остался стоять на ступеньках своего Особого КБ и обреченно посмотрел вверх. Снежинки в свете фонаря напоминали падающие звезды. С балконов соседних домов, которых не было видно из-за высокого забора, слышалось разноголосое «Урррааа!»

– С новым счастьем, – тяжело вздохнул Ларион Александрович.

Часы-будильник «Ракета» на столике у кровати звенел уже больше полминуты. Наконец голая рука нашарила вслепую маленькую черную кнопку и выключила надоедливый звук. Просыпаться из-за какого-то будильника никто не собирался. Но счастье длилось недолго. В дверь, оклеенную календарями с киноактерами, громко постучали.

– Рая! – слышался приглушенный голос. – Рая, ты там?

– Да-а-а... – В кровати кто-то протяжно зевнул. – Открыва-а-ю.

Из-под одеяла показалась голова девушки с каштановыми волосами. Она заспанно терла глаза и щурилась от яркого света зимнего утра, который затекал в облезлую коммуналку сквозь тонкую тюлеву ю занавеску на окне. Девушка нащупала ногами стоптанные тапки, прошаркала несколько шагов по холодному полу и щелкнула задвижкой замка.

Дверь тут же распахнулась, и в нее ввалились две молодые особы, от которых валил морозный пар. Одна была блондинка, с двумя косичками, закрученными в бараночки по бокам головы; ее простое и довольно миловидное, хоть и малопримечательное, лицо напоминало луну. Синее драповое пальто с искусственным меховым воротником – в сочетании с модными замшевыми сапогами на высоком каблуке выглядело на ней современно и стильно. Другая была ниже ростом, коренастая, широкоскулая, с упрямыми черными волосами и живым бойким взглядом. На ней было шерстяное пальто, цветастый вязаный шарф и лакированные полуботинки с блестящими металлическими пряжками.

В руках обе гостьи держали бумажные пакеты, из которых приятно пахло праздничной новогодней снедь ю.

– Ты проспала Новый год?! – зататорила черноволосая девушка. – А мы с Катей встречали в общаге у девчонок из педагогического! Весело посидели. И парни были, из сосед-

него комбината. Приличные.

Девушки плюхнули свои пакеты на квадратный деревянный стол, покрытый засаленной клеенкой с выцветшим геометрическим узором.

– Остатки от банкета. Угощайся!

– Я бы с радостью, Роза, – ответила черненькой хозяйка комнаты. – Но сейчас нельзя. Ты же знаешь, я на исследовании. Хорошо, что вы меня разбудили, а то я бы все проспала.

Прошлым летом Рае Жуковой несказанно повезло: одна подружка из медицинского пристроила ее в программу тестирования новейших методов исследования крови. Участники должны были каждый день по утрам сдавать анализы в лаборатории при институте. На время эксперимента запрещалось употреблять алкоголь и курить сигареты. Кроме того, требовалось в определенное время ложиться спать и соблюдать предписанную диету. Ограничения были довольно-таки строгие, но и платили по студенческим меркам немало: сто рублей в месяц – как зарплата хорошего инженера.

Постоянные заборы крови Раисе уже порядком надоели, но скоро ее мучениям должен был прийти конец: программа заканчивалась в середине января. Еще несколько дней – и

она будет свободна. Зато накопила денег на мечту – теперь летом сможет поехать в Крым. Рая даже присмотрела себе в путеводителе одну из ялтинских гостиниц. Море, солнце, зажигательные южные танцы в вечерней прохладе – все это станет явью в ближайший летний отпуск. По ее расчетам, полученных денег должно было с лихвой хватить и на поездку, и на то, чтобы прибарахлиться перед ней.

– Посмотри-ка, что нам вчера удалось отхватить! – Роза эффектным движением сбросила пальто, выставила вперед одну ножку и показала взглядом на короткую, не длиннее тридцати сантиметров, клетчатую юбку, сшитую по моднейшему европейскому фасону.

– Обалдеть... – Рая аж присвистнула от удивления. – Девочки, где же вы это нашли?

– Магазин «Польская мода» на «Юго-Западной»! – гордо заявила Катя. – А я взяла себе клетчатый пуловер. Но он холодный, для лета. Дома оставила.

– Там перед Новым годом выкинули одежду по французским лекалам, – объясняла Роза. – Мне шепнула по секрету тетя Зара из ЦУМа. Ну, помнишь мы еще через нее туфли той весной доставали?

Рая кивнула.

– Простите, девочки, – сказала она, быстро одеваясь и приводя в порядок растрепанные после сна волосы. – Мне надо бежать. Вы меня подождете? Я мигом, кровь сдам и вернусь. Тогда и попируем!

Ноги затекли. Во рту помойка. Голова болит. Последнее хуже всего. Вэн ощупал череп под слипшимися волосами. Справа, чуть повыше уха набухал здоровенный синяк. Вэн случайно задел ладонью щеку, и ее обожгло от прикосновения. Отдернул руку – она была вся мокрая от крови. Рана глубокая. Дело дрянь.

Вэн присел на жесткой деревянной лежанке и огляделся. Ну конечно. КПЗ. Решетки на окнах. Он не помнил вчерашний вечер. И позавчерашний. Да и вообще все последние дни у него слились во что-то мутное и невразумительное. Интересно, в каком он отделении... Или в каком городе? Вэн не мог поручиться точно, что в Москве. Проверил карманы. Денег нет. Документов нет. Нехорошо.

А началось все глупо. Устроили пари с Гришкой Крыло-

вым, молодым заносчивым лейтенантом, с которым параллельно гоняли два новых «МИГа», – кто на меньшей высоте сделает петлю Нестерова. Вэн поспорить-то поспорил, он вообще азартный человек, когда на земле. Но в небе всегда другой – само спокойствие и расчет. Так же и в этот раз – вся горячка слетела, как только сел за штурвал. Отработал по инструкции, штатно. И был уверен, что Гришка тоже дальше бахвальства и взаимных подколов не пойдет. А Гришка решил кому-то что-то доказать – и не вытянул. Раскатало Гришку по картофельному полю.

Всю ночь Вэн писал рапорты и давал бесконечные объяснения разнородному начальству. Эти черти в погонах слетелись на катастрофу словно мухи. Возня и бюрократия утихли только к рассвету. Вэн вырвался с аэродрома в Раменках и сразу поехал в сберкассу, где снял с книжки все накопленные деньги. Поймал такси – и в Москву. Начал с «Праги», на Арбате. Потом, кажется, был ресторан «Арагви» на Советской площади. Дальше он не помнил.

В металлической двери лязгнул засов. Щупленький сержант с синяком под глазом опасно заглянул внутрь камеры.

– А... проснулся, Одинцов? Давай на выход. Буянить не будешь больше?

Его привели в коридор, где размещался пост дежурного, и заперли под замок в железную клетку.

– Лейтенант!

– Ну чего тебе?

– Воды дай.

Дежурный лейтенант милиции сплюнул. Налил в алюминиевую кружку воду из чайника и сунул ее сквозь решетку.

– На.

У этого была здоровенная ссадина на скуле и, кажется, сломан нос.

– Начальник, а вы че все побитые?

– Еще спрашивает. Не помнишь ничего, что ль?

У Вэна закралось нехорошее подозрение. Посмотрел на свои руки – правый кулак разбит почти до костяшек.

– Хреново, парень, – даже с каким-то сочувствием сказал

лейтенант. – Срок тебе светит теперь. Ты откуда такой буйный? Боксер что ли?

– Летчик.

– Отлетался, летчик.

«А лейтенант прав», – подумал Вэн, устраиваясь на грязной скамейке, приколоченной к полу вдоль стены.

И правда – отлетался. Насчет спора про петлю Нестерова все на испытательном полигоне в курсе были. С Гришки-то Крылова теперь не спросишь за угробленный опытный образец. А Вэн – вот он. Начальству обычно важно найти крайнего, а тут и искать не надо. Не долго думая погонят из отряда. Так-то была еще возможность попасть в гражданскую авиацию, там испытателей ценили. Но если теперь посадят за дебош и драку с милицией, то потом вряд ли доверят даже кукурузник. Чертов характер.

Вэн прикрыл глаза. Голова все еще нестерпимо болела, а рану на щеке саднило.

– Где вы ег-го тут держит-тэ, – долетел до Вэна знакомый голос.

У стойки дежурного стоял крепкого телосложения коротко стриженный альбинос с широким лицом и нетерпеливо озирался вокруг. Наконец он заметил в темном углу клетку с задержанным хулиганом.

– Эй, Вэн! Хорошо встрэт-тил Новый год?

– Здорово, Финн... – кивнул Вэн своему товарищу по отряду испытателей; эстонец Нильс Федоров получил это прозвище за характерную внешность и легкий прибалтийский акцент. – А что – Новый год... он... уже?..

– Ну ты даешь, – только и протянул тот. – Собирайся давай. Командир полк-ка тэбя ждет.

– Решили на пьяницах проверять катапульты? – удивился Вэн. – Я в нужной форме.

– Ан-нализы пом-мнишь сдавали? У тэб-бя, говар-рят, нашли триппер.

– И комполка хочет сообщить эту новость лично?

– Нэ знаю, чт-то там у них. – Федоров неопределенно махнул рукой. – Все бэг-гают, суетят-са, тэбя ищут три дня ужэ. Лейтэнант, – обратился он к дежурному милиционеру, – вам

звонил-ли про меня?

Дежурный недовольно кивнул.

– Тогда мы поех-хали.

Член Политбюро ЦК Партии товарищ Сноков положил перед собой короткую справку о выбранных кандидатах для полета.

– Итак, что мы имеем... Павел Дмитриев, военный летчик первого класса. – Сноков дословно зачитывал характеристику. – Русский, из рабочей семьи, член Партии с 1972 года, отличник боевой и политической подготовки. В отряде космонавтов уже пять лет, прошел обучение с блестящими показателями. Внешность тоже правильная, что немаловажно. Второй космонавт – Эмилия Холодова, из женского отряда. Крайне положительная характеристика. Высокая стрессоустойчивость, уровень интеллекта значительно выше среднего. Комсомолка. Спортсменка. Рост метр семьдесят девять. Симпатичная. Хорошие кандидатуры, товарищи, – резюмировал он, откладывая лист бумаги в сторону. – Мы направим их на утверждение в Политбюро и Генеральному

секретарю. Если у вас нет вопросов, то предлагаю пригласить их сюда и объявить о том, что они выбраны для полета. Пусть начинают готовиться.

Ларион Александрович Теккин сдержанно кашлянул и взял из вазочки со стола мандаринку. Он не спал третьи сутки подряд и держался исключительно на крепком импортном кофе.

– Что такое, Ларион Александрович?

– Я по поводу космонавтов, товарищ Сноков. У некоторых моих коллег есть сомнения...

– Чем же вас не устраивают эти двое? – удивился Сноков. – По-моему, лучше и не придумаешь.

– Я сейчас объясню, чтобы стало понятно даже вам. – В самом конце стола поднялась маленькая энергичная женщина лет шестидесяти с зачесанными назад жидкими темными волосами. На ее носу сидели огромные очки с толстыми линзами, так что глаза женщины казались больше и крупнее, чем есть на самом деле. – Не останавливай меня, Йося, я должна им сказать.

Она отцепила от себя руку такого же маленького и очень

сморщенного мужчины, который сидел рядом и хватал ее за рукав, пытаясь усадить на место. Женщина поправила белый халат, подошла к Снокову, выхватила у него справку о кандидатах, скомкала и бросила в мусорную корзину.

– Она от него не понесет! – безапелляционным тоном заявила женщина.

Член Политбюро товарищ Сноков застыл от удивления и одними губами прошептал:

– Кто вы вообще такая?

Вездесущий полковник Хаскин тут же подскочил к высокому начальнику, наклонился и зашептал ему на ухо:

– Это профессор Мария Зиновьевна Канатова, главный врач отряда подготовки космонавтов. Она не совсем благонадежная, сами понимаете, еврейское происхождение.

Сноков жестом руки показал Хаскину, что не нуждается в его подсказках.

– Чем вы, профессор, подтвердите ваше заявление? Насколько я знаю, современная наука не может предсказать точно...

– Ваша современная наука много чего не может, а мой Йося сразу сказал, что у этих коммуняк ничего не выйдет. Йося, ну что ты сидишь как будто пулю проглотил, встань и иди сюда.

Глаза Снокова стали такие же большие, как линзы очков профессора Канатовой.

– Йося – это ее муж, известный гинеколог Иосиф Силыч Юдин. – Над ухом Снокова снова возник полковник Хаскин. – Светило мировой медицины, но очень антисоветских взглядов. У нас есть на него досье.

Профессор Юдин постарался втянуть голову в плечи и теперь выглядел до того маленьким, что показалось, будто он залез под стол.

– Йося никогда не ошибается, но я все же его проверила, – продолжала профессор Канатова. – И вы представляете, он снова оказался прав! У Холодовой очень нестабильные месячные и нерегулярный цикл. Вам ни за что не угадать нужный момент, это практически как тыкать пальцем в небо. А Павлик, – тут Канатова усмехнулась, – ну вы знаете, как говорили у нас в Одессе, мочь и иметь возможность – это таки разные вещи.

Сноков наморщил лоб, и наконец до него стало доходить, о чем идет речь.

– То есть, товарищ Канатова, вы хотите сказать, что космонавт Дмитриев не способен совершить с женщиной...

– Да нет же, – оборвала его Мария Зиновьевна, – Павлик способен, да еще как. Известный ловелас. Только учтите: я лично пробовала его сперму. Ничего выдающегося. Концентрация десять, подвижность тридцать. Он, конечно, способен стать отцом, но трудиться придется долго. Года два в среднем, для таких показателей.

– Что вы пробовали? – Потрясенный Сноков не знал, как реагировать на откровенности пожилой дамы.

– Товарищ Канатова имеет в виду, что лично делала анализы физиологической жидкости у космонавтов, – пояснил Теккин. – К сожалению, у Дмитриева показатели посредственные. И насчет Холодовой тоже правда, – Теккин потупил глаза, – очень нестабильные функции. Мы посчитали – вероятность успешного оплодотворения в заданный период времени не более десяти процентов.

– Меньше, – возразила Канатова. – Йося, ну что ты мол-

чишь, скажи им, что в невесомости, скорее всего, произойдет гормональный сдвиг, и даже если вы угадаете со временем, в ее крови будет недостаточно лютропина, чтобы вызвать овуляцию. Нужен очень сильный организм, чтобы репродуктивная функция продолжала работать в стабильном режиме после стартовых перегрузок.

– Вы же сами утверждали, Теккин, – Сноков строго посмотрел на Лариона Александровича, – что Дмитриев и Холодова почти идеальные кандидаты! Летная подготовка, теоретические знания... А теперь они, оказывается, на что-то там неспособны!

– Против природы не попрешь, товарищ Сноков...

– И тем не менее, им придется лететь, – категорически настаивал член Политбюро.

– С тем же успехом вы можете отправить туда нас с Йосей – результат ничем не будет отличаться, – махнула рукой профессор Канатова и направилась обратно на свое место. – Йося, ты, как всегда, был прав, они нас не послушали.

Глава 2

Люди иногда предчувствуют, что с ними должно произойти что-то хорошее. Так и Раиса. Когда она ехала в автобусе по январской Москве на очередную сдачу анализов, у нее возникло ощущение, что жизнь очень скоро изменится. И обязательно в лучшую сторону. А как может быть иначе? Этот «хоровод серых дней» когда-то должен закончиться, она твердо в это верила и была убеждена, что рано или поздно в ее судьбе произойдет значительный перелом. Но она не подозревала, что так быстро и так резко.

Войдя в лабораторию, Рая вместо привычной медсестры Платовой, крупной женщины с очень проворными толстыми пальцами, увидела двух незнакомых мужчин в одинаковых длинных пальто. Махнув перед ее носом каким-то удостоверением, они взяли Раису под руки и молча повели к выходу. Медсестра Платова, наблюдавшая за этой сценой, только лишь тихо всплеснула пухлыми руками. Раю усадили в черную «Волгу» с затемненными стеклами, и машина, взвизгнув тормозами, рванула с места.

Здание, куда ее привезли, находилось за желтым бетонным забором с колючей проволокой. На крыше пятиэтажно-

го дома, на котором не было ни вывесок, ни названия улицы, стояли параболические антенны. Раиса в дороге пыталась разговорить своих попутчиков, спрашивая, куда ее везут, но безуспешно. Они поднялись в лифте на пятый этаж, ее провели в длинный коридор с удобными мягкими стульями вдоль стен и усадили рядом с дверью, обозначенной табличкой как «Зал заседаний». На этом таинственные похитители молча развернулись и ушли.

В коридоре Рая осталась не одна. Двое: симпатичный молодой человек с располагающей к себе обаятельной улыбкой и красивая девушка, светлые волосы которой отливали каким-то неземным фиолетовым блеском, – сидели напротив нее и о чем-то перешептывались. Они казались хорошо знакомыми друг с другом. Молодой человек был одет в зимнюю летнюю куртку, и она придавала ему очень мужественный вид. Раиса задержалась на нем взглядом, невольно поправила рукой выпавший из-за уха каштановый локон, посмотрела ему в глаза, потом сразу отвела их в сторону и снова посмотрела, уже смелее. «Летчик», как она его назвала про себя, усмехнулся и приветливо ей подмигнул.

Красивая девушка посмотрела на нее неодобрительно, словно с каким-то осуждением. Только сейчас Рая заметила, что правая и левая руки ее соседей по коридору как бы случайно соприкасаются тыльными сторонами ладоней. Она

подумала, что молодой человек и девушка – не просто знакомые или друзья, и ей стало стыдно, что она столь беззащитно пялилась на него. Обрывки их фраз, которые она услышала, лишь подтвердили ее догадку.

– Что-то долго заседают, – нетерпеливо произнес «летчик», бросая тревожный взгляд на дверь.

– Они решают очень важный вопрос, Паша. Не торопи события, нам все объявят, когда придет время.

– Да что решать-то! – горячо и немного громче, чем нужно, воскликнул он. – В отряде нет никого подготовленного лучше, чем я. А ты – номер один у женщин. Все ясно: они хотят отправить нас вдвоем. Но если только...

Он сжал губы и постарался произнести как можно тише, но Рая все равно услышала:

– ... если они знают про то, что мы...

Рая окончательно смутилась, что вынуждена подслушивать их беседу, встала со стула и прошлась по коридору. Тут-то ее внимание и привлек третий. Он стоял к ним спиной; на нем было длинное серое пальто, обтягивающее широкие плечи, поднятый воротник почти скрывал его голову. Рая

сначала даже подумала, что это приставленный к ней охранник. Она прошла мимо него, сделала еще шагов десять и развернулась. Идя обратно, почти поравнявшись с ним, она быстро взглянула ему в лицо и ахнула. Слипшиеся черные волосы небрежно спутались на лбу, большой нос горой выдавался вперед, а через всю щеку тянулся жуткий шрам, обильно смазанный зеленкой и йодом. Поперек шрама были заметны свежие швы.

Рая невольно остановилась, не в силах оторвать взгляда от жуткого зрелища.

– Кто это вас так... – спросила она и даже протянула к незнакомцу руку, чтобы ободряюще прикоснуться к его плечу.

– Тебе какое дело? – злобно огрызнулся он и почему-то икнул.

– Грубиян, – оскорбленно фыркнула Раиса и прошла обратно на свое место.

– С нами он так же обошелся, – посочувствовал ей симпатичный «летчик». – Кстати, я – Павел, а это Эмилия. – Он показал на свою спутницу. – Мы тут обсудили и думаем, что вы здесь не случайно. Вы новенькая в отряде? Вам сказали,

зачем вас привезли?

– Нет, я вообще не понимаю, где... – начала Рая, но дверь открылась, из нее вышел рыжий мужчина в строгом черном костюме, окинул всех взглядом, потом показал пальцем на Раю и сказал: – Ты, заходи.

Затем всмотрелся в коридор.

– Одинцов, ты тоже.

«Летчик» Павел недоуменно поднялся с места.

– А мы?..

– А вы... ожидайте, – приказал рыжий, впустил приглашенных в «Зал заседаний» и захлопнул дверь.

Ларион Александрович Теккин перечитывал дорожную карту подготовки запуска. По всем расчетам выходило, что они успевают самое быстрое – к первому марта. Монтаж электроцепей, их проверка, настройка автоматики, выходной контроль... Даже если работать в три смены, то выходило никак не раньше начала весны. Им не хватало каких-то

двух недель... Но доктор Канатова однозначно заявила: либо середина февраля, либо только во второй половине марта.

Теккин покрутил замусоленный карандаш, оторвался от чертежа с разрезом третьей ступени корабля и протянул руку к телефону. Набрал короткий номер.

– Мария Зиновьевна, это Теккин. Доброе утро. Не ложись? И я тоже. Есть вопрос.

– Слушаю, Ларион Саныч... – ответил бойкий голос на том конце провода.

– Нельзя ли сдвинуть срок этой, как ее... эволюции?

– Овуляции.

– Ага, ее, буквально на пару недель? Раньше ну никак не успеваем.

– Ларион Саныч, – строго ответила женщина в телефоне. – Сдвинуть срок можно только у пятилетнего плана. В физиологии все работает иначе. По приказу дети не рождаются. И чем скорее там, наверху, поймут это, тем быстрее перестанут играть в глупости.

– Но насчет середины февраля – вы ручаетесь?

– Йося говорит, что дает свой последний зуб на то, что у нее будет середина цикла в период с пятнадцатого по семнадцатое число. Он никогда еще не видел таких результатов. Ее наблюдали полгода во время эксперимента у эндокринологов. Анализировали гормоны, в том числе и лютеинизирующий. Она как автомат, день в день. И уровень прям такой как нужно. А с этим вашим Одинцовым они просто идеальная пара. Он натуральный ходячий монстр, я как увидела, так ахнула: более пятидесяти миллионов головастиков на один миллилитр, подвижность – шестьдесят процентов. Такой способен оплодотворить и мумию Нефертити.

– Мумию мы посылать в космос не будем. Спасибо за консультацию, – вздохнул Теккин.

– И вот что еще, Ларион Саныч. Если хотите знать мое мнение. Судьбы людей – это вам не игрушки. Одинцов тип еще тот, а вот девушка... Она хорошая, честная. Вы готовы использовать ее тело ради очередной партийной идеи? Она же не робот, а человек. Ребенок – это ведь на всю жизнь. И неизвестно еще, каким он родится, – а его нельзя будет выбросить как результат неудачного эксперимента. Мой совет – сделайте так, чтобы полет не состоялся. Я уже жалею, что подсказала вам выбирать тех, у кого хорошее репродуктив-

ное здоровье. Надо было поступать по совести, и черт с ней, с наукой.

В трубке раздались короткие гудки. Теккин вернулся к чертежам. Взглянул на календарь. До запуска оставался месяц. Вопросы совести... Если решать их, то точно не успеет. Не пошлют этих – так найдут других. Если что он и может сделать, так это обеспечить их взлет и посадку. А остальное... Пусть делает природа. Надо было каким-то образом отвоевать эти две недели. Ларион Александрович помотал головой из стороны в сторону, разминая шею. На стене справа висели чертежи военного модуля «Заря», который находился в стадии разработки. В голове Теккина что-то щелкнуло, он замер, а потом кинулся к телефону.

– Слушай, приятель, – спросил он снявшего трубку начальника КБ автоматики, – мы блоки АСУ на «Зарю» уже поставили? А они совместимы с «Союзом»? Полностью? Есть у меня одна идея...

Это январское утро чем-то напомнило о грядущем приближении весны. Стояла оттепель. С юго-запада дул теплый ветер. Солнце изредка прокалывало рваные тучи, щекоча скользкими лучами по холодной земле. Маленькие синич-

ки прыгали с ветки на ветку и весело щебетали, то и дело пикируя на снег и подбирая разбросанные там зерна овсянки. Рая специально носила с собой газетный кулек с кормом, чтобы побаловать птиц. Эти полчаса между завтраком и до начала тренировок считались их личным временем и были сейчас самыми спокойными в ее жизни. Далее начинались бесконечные занятия по подготовке к полету, медицинские процедуры и тренировки на симуляторах... Она до сих пор поверить не могла, что все это происходит именно с ней. Конечно, ей всегда нравилось небо, она даже один раз прыгала с парашютом на подмосковном аэродроме, но про космос никогда не задумывалась. Ей вполне хватало своих земных забот.

Предложение, которое ей сделали, ошеломило ее. Почему я? Почему сейчас?

«Все просто, – объяснил ей какой-то влиятельный руководитель. – Советская космонавтика шагнула настолько далеко вперед, что может послать в космос простую девушку, без многих лет специальных тренировок. Мы хотим доказать всему миру, что в космос способны летать обычные люди, например, такие, как вы. А ваш напарник, один из лучших советских летчиков, обеспечит полную безопасность и счастливое возвращение на Землю».

С напарником была проблема. Злобный, мрачный, угрюмый. Этот Иван Одинцов, или, как он просил себя называть, «Вэн», всегда ходил спесивый и важный. Здорвался сквозь зубы, на приветливых работников Центра подготовки шипел, с руководителями полета держался нагло и вызывающе. Спорил по любому поводу, лез на рожон и всячески пытался показать, что он тут самый умный. Раиса даже засомневалась, стоит ли ей лететь именно с ним. Спросила об этом Ларион Саныча, главного конструктора, милейшего старичка. Тот лишь развел руками и почему-то горько усмехнулся.

Готовиться к полету с Одинцовым Рае было сложно. Он ее постоянно подгонял и пенял на ошибки. Конечно – само военный летчик, проблем с техникой у него не возникало. Устройство корабля он выучил, кажется, за одну ночь, а она до сих пор иногда путала некоторые кнопки.

– Ты оставишь нас на орбите, – отчитывал ее Вэн после очередной ошибки на тренажере. – Сначала тумблер «А» в положение «Отключен», потом запускаешь «Цикл».

– Да без тебя знаю, – огрызалась она в ответ. – За собой лучше следи. Вон вчера опять на тройку сдал центрифугу. Координация-то слабая.

– Все в порядке с координацией, – нахмурился он. – Я их

проверял.

– Специально заваливаешь тренировки? – расширила Рая глаза от удивления. – Но зачем? Тебя же отстранят от полета!

– Вот и посмотрим, – неопределенно ответил Вэн, но дальше разговор продолжать не стал.

Как назло, их заставляли много времени проводить вместе. Они должны были есть за одним столом, вместе совершать пробежки, ходить в спортзал, бассейн (спасибо, что хоть раздевалки у них были отдельные). Кроме того – ежедневные занятия по техническому устройству корабля, работа на симуляторе и обязательный час у психолога. И все это вдвоем, практически неразлучно. Они возненавидели друга друга пуще врагов.

Раиса злилась на него, да и на себя тоже. Хороший контакт и доверительные отношения с напарником – важнейшая вещь в космосе, как постоянно внушал им психолог на отработке эмоциональной совместимости. С контактом и совместимостью пока получалось не очень.

Когда на одной из тренировок во время бега по движущейся дорожке она оступилась и подвернула ногу, Вэн помог ей допрыгать до скамейки, потом снял кеду с ее пострадав-

шей ноги и стал проверять, может ли она двигать стопой. Рая отметила про себя, какие у него теплые и приятные руки. Впервые между ними возникло что-то вроде хрупкого доверия. Рае хотелось закрепить результат, и она как можно приветливее улыбнулась, глядя ему прямо в глаза. Но Вэн тут же все испортил.

– Чего смеешься? – спросил он, – Считаешь, здесь шуточками занимаются?

– Просто улыбнулась, нельзя что ли? Ты совсем никогда не улыбаешься?

Он метнул на нее гневный взгляд. Потом резко дернул ее ногу на себя, так что Рая даже ойкнула от боли.

– Вставай и продолжай работать.

И даже не подал ей руки, чтобы помочь подняться на ноги. Невоспитанный хам. Рая решила свести общение с Вэном к минимуму. Раз уж его выбрали ей в напарники, то придется терпеть. Но, по крайней мере, она не собиралась делать вид, что все хорошо. Не хочет нормально общаться – его дело. Ей он тоже неинтересен.

Но сегодня случилось неожиданное. Началось с того, что

за завтраком к их скучающей паре внезапно подсел полковник Хаскин – еще один неприятный, но совсем иначе, субъект. Этот Хаскин занимался в Центре подготовки непонятно чем, никаких видимых обязанностей не имел, но постоянно крутился где-то поблизости и везде совал свой любопытный нос. В отличие от Одинцова полковник со всеми держался любезно, говорил всегда на полтона ниже, голосом мягким, словно пуховое одеяло. Он любил пересечься с человеком глазами и долго смотреть как змея, не отводя взгляда, а потом, когда его собеседник не выдерживал этих змеиных переглядок и стушевывался, Хаскин ему очень по-доброму улыбался и ободряюще похлопывал по плечу. Рае становилось от такого не по себе. Если ершистый Вэн хоть и бесил ее своими манерами и грубостью, но с ним все было просто и без скрытых смыслов, то в присутствии Хаскина, несмотря на всю его гладкость и обходительность, она чувствовала себя холодно и неудобно. Лишь только ради приличия Рая при встречах с ним была вежлива и поддерживала разговор. В отличие от Вэна: тот Хаскина подчеркнуто игнорировал, вообще не обращая на него внимание, словно это не живой человек, а радиоприемник или телевизор.

В этот раз Хаскин неслышно приземлился на свободное место за столом рядом с Раей и ей пришлось аккуратно отодвинуться влево, чтобы не касаться его бедром.

– Приятного аппетита, – как обычно негромко произнес полковник, – Прекрасный сегодня завтрак. М-м-м! Яичница с беконом и французским сыром – легко и очень питательно. То что нужно перед насыщенным трудовым днем. Вы сегодня прекрасно выглядите, товарищи. Иван как всегда – бодр и подтянут. А вы, Раиса, очаровательны.

Хаскин замолчал, ожидая что кто-то среагирует на приветствие. Непрошибаемый Вэн с каменным лицом пил компот и разглядывал огромную мозаику на стене столовой. Рая, давась бутербродом, изобразила благодарность за назойливый комплимент и что-то промычала набитым ртом. Она постаралась поскорее запихнуть в себя следующий кусок, чтобы не быть обязанной вести беседу. Возможно, если ему не отвечать – он уйдет.

– Все благодаря тому, что продуктивное обеспечение Звездного городка осуществляется по первой категории, – продолжал полковник, – Недавно были попытки срезать паек у административно-хозяйственного персонала, но товарищ Теккин, при моем скромном участии, смог отстоять вопрос в Минфине. И это правильно. Люди прокладывают дорогу в космос, не важно на какой должности, и они все имеют право на качественное питание.

– Зато других можно морить голодом, – Вэн кажется впер-

вые заметил существование Хаскина в своей вселенной.

– Простите... – замялся Хаскин, – Я не совсем понимаю, Иван...

– Все ты понимаешь, – отрезал Вэн, – Забастовка рабочих в Кузнецке месяц назад. Им подняли нормативы и срезали премии. Волнения шахтеров в Воркуте. Голодные обмороки людей в очередях за хлебом на Урале...

В выражении глаз Хаскина на мгновение промелькнуло что-то похожее на злость, но он моментально вернул лицу свою обычную маску симпатии и участия.

– Я понятия не имею о чем вы говорите, – без тени смущения ответил полковник, – Наверняка это всего лишь слухи. За ними нет фактов. А что есть? Есть люди, которые, к сожалению, не любят нашу Родину, хотя и пользуются всеми благами, что предоставляет им советская власть. Такие готовы за подачки наших врагов на Западе распускать самые лживые наветы.

– У него в комитете специальные папочки заводятся, – Одинцов снова вычеркнул Хаскина из списка для общения и обращался к Рае, будто полковник и не сидел за одним столом с ними, – Красного цвета – для благонадежных, желтый

– для подозрительных, черный... – Вэн на секунду перевел взгляд обратно на полковника, – Для меня же черный, да?

– Вы слишком много болтаете, Одинцов, – в голосе Хаскина куда-то исчезла вся мягкость, он стал властным, холодным и впервые совпал с ощущением, которое с самого начала вызывал в Рае, – Слишком много для человека с вашим прошлым.

Вэн выпрямил спину и сразу стал выше Хаскина почти на голову.

– А ты знаешь, мне – плевать, – спокойно сказал Вэн и скрестил руки на груди, – Можешь записывать что угодно, доносы строчить куда угодно. Я всю вашу партию, всех ее прихлебателей и твой вонючий комитет видел знаешь где?

Хаскин задержал на Вэне свой уже известный Рае взгляд ядовитой змеи, но внезапно встретил отпор – на побывавшего в переделках летчика-испытателя какие-то детские гляделки не производили должного эффекта. Подождав минуту, Хаскин сморгнул, повел бровями, ухмыльнулся.

– Ну что ж, – со вздохом заметил он, – есть и такие, что не способны оценить все преимущества социалистического общества. Иногда это наследственное...

Вэн рывком поднялся. Смачный звук оплеухи прозвучал в столовой ясно и отчетливо. Хаскину повезло что это была именно оплеуха, так как если бы Вэн ударил кулаком, то голова полковника рисковала просто оторваться от шеи. Все трое мигом оказались в центре внимания двух десятков пар глаз. Хаскин сидел не шевелясь, кажется не веря в то, что произошло. Ухо пострадавшего пылало как алый кумач на первомайской демонстрации.

– Приятного аппетита, – вежливо, как будто ни в чем не бывало сказал Вэн, – Завтрак и правда очень вкусный. Яичница с французским сыром – м-м-м!

Провожаемый взглядами он размеренно зашагал к выходу.

Хаскин дотронулся до горевшей щеки.

– Хамское поведение, – пальцы полковника заметно дрожали, – Провести с этим монстром три дня? Не завидую вам, Раиса.

Рае стало неловко от всеобщего внимания и от жуткой нелепости положения, в котором она оказалась. Еще чего доброго подумают, что двое мужчин разыграли прилюдную

сцену из-за нее. Только этого ей не хватало! В голове почему-то промелькнули гнусные сплетни, которые обязательно поползут по всему Звездному городку. Она виновато улыбнулась Хаскину, чтобы хоть как-то сгладить неловкость, но кажется получилось только хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.